

К ЮБИЛЕЮ А. ПЛАТОНОВА И Л. ЛЕОНОВА

УДК 821.161.1-32(Платонов А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-36-42. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ОБРАЗ РЕБЕНКА-АНГЕЛА КАК ЧАСТЬ МЕТОНИМИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ ВОЕННЫХ РАССКАЗОВ А. ПЛАТОНОВА

Долгов А. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9125-4344>

SPIN-код: 9200-6581

А н н о т а ц и я. Статья посвящена исследованию метонимии в военных рассказах А. Платонова. Исследование строится на предположении, что в границах художественного метода писателя метонимия является не просто средством выразительности, но инструментом концептуализации действительности. Для такого рода моделирования военной реальности в художественном пространстве А. Платонов интегрирует в композицию образ ребенка, метонимически связанный с рядом ценностных категорий русского народа. Для подтверждения своей позиции автор производит образный анализ рассказов «По небу полуночи» и «Девушка Роза», что позволяет сделать вывод о значении метафоры для реализации писателем творческого замысла на концептуальном уровне. Рассматривая метонимию и ее роль в изображении детского сознания, автор статьи обращается к рассказам «По небу полуночи» и «Девушка Роза». На материале первого из них доказывается, что образ ребенка и детского сознания противопоставлен «механическим» людям (и по смежности – фашизму как явлению). Ключевым для понимания открытия Эриха Зуммера, сблизившего его с нравственной чистотой детского миропонимания, становится образ неба, также метонимически воплощенный в рассказе: воплощая диалектику отношения автора к войне (переход от тьмы к свету и от света к тьме), небо появляется в глазах ребенка именно в момент отречения Зуммера от фашизма. В рассказе «Девушка Роза» сюжет подчинен схожей логике: перед читателем открывается судьба чистой души, наполняющей мир светом памяти и надежды. Ангелическая природа Розы связана не только с ее мученической судьбой, но и с той надеждой («светом гибели», «нравственной избыточностью»), которую она щедро дарит всем, кто мучается на земле, кто не потерял способность чувствовать живую душу. Исследование базируется на наработках платоноведов, ранее посвятивших свои труды метонимии как элементу поэтики А. Платонова (Н. В. Корниенко, С. Нонако, Б. Доог и др.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература XX века; Андрей Платонов; метонимия; военные рассказы; «По небу полуночи»; «Девушка Роза»; детские образы

Б л а г о д а р н о с т и: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я: Долгов, А. А. Образ ребенка-ангела как часть метонимической композиции военных рассказов А. Платонова / А. А. Долгов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 36–42. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-36-42.

THE IMAGE OF AN ANGEL CHILD AS PART OF THE METONYMIC COMPOSITION OF A. PLATONOV'S WAR STORIES

Anton A. Dolgov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9125-4344>

A b s t r a c t. The article studies metonymy in A. Platonov's war stories. The research is based on the assumption that within the boundaries of the writer's artistic method, metonymy is not just a means of expression, but a tool for conceptualizing reality. For this kind of modeling of military reality in the artistic space, Platonov integrates the image of a child, metonymically associated with a number of value-based categories of the Russian people, into the composition of the story. To confirm the assumption formulated above, the author of the article carries out an analysis of the imagery of the stories "Across the Midnight Sky" and "The Girl Rose", which allows making a conclusion about the significance of the metaphor for the realization of the writer's creative intention at conceptual level. Considering the role of metonymy in the artistic presentation of children's consciousness, the author of the article looks at the short stories "Across the Midnight Sky" and "The Girl Rose". The first story argues that the image of a child and children's consciousness is opposed to "mechanical" people (and, relatedly, to fascism as a phenomenon). The image of the sky, also metonymically used in the story, is the key image to understanding Erich Zummer's discovery, which brought him closer to the moral purity of the child's worldview: embodying the dialectic of the author's attitude to war (the transition from darkness to light and from light to darkness), the sky appears in the eyes of the child at the moment of Zummer's renunciation of fascism. In the story "The Girl Rose", the plot follows a similar logic: the fate of a pure soul who fills the world with the light of memory and hope is revealed to the reader. The angelic nature of Rosa is connected not only with her martyrdom, but also with the hope ("the light of

death”, “moral excess”), which she generously gives to all those who suffer on earth, who have not lost the ability to feel a living soul. The research draws on the works written in the area of Platonov studies devoted to metonymy as an element of Platonov’s poetics (N. V. Kornienko, S. Nonako, B. Dooge, etc.).

Key words: literature of the 20th century; Andrey Platonov; metonymy; war stories; “Across the Midnight Sky”; “The Girl Rose”; child characters

Acknowledgements: The article was written with financial support of the Russian Science Foundation project No. 23-28-00905 “Aesthetic Meanings and Fractal Poetics of the Latest Russian Prose: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov”.

For citation: Dolgov, A. A. (2024). The Image of an Angel Child as Part of the Metonymic Composition of A. Platonov’s War Stories. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 36–42. DOI:10.26170/2071-2405-2023-29-3-36-42.

Метонимия как элемент идиостиля Андрея Платонова является предметом научного интереса для многих исследователей творчества советского писателя. Платонов использует метонимию не только как средство художественной выразительности, но и как инструмент для расширения смыслового пространства произведения. Еще на ранних этапах осмысления семантического переноса, в том числе Р. Якобсоном, языковедами отмечалось, что возможность замены единиц по смежности значения, помимо модификации формальной стороны текста, позволяет автору усложнить и концептуализировать идейное наполнение текста: «троп обращается в эпический мотив» [Якобсон].

Исключительная насыщенность платоновского текста тропами¹ может быть продиктована рядом оснований, каждое из которых, на наш взгляд, в равной степени оказало влияние на художественный метод А. Платонова. Анализируя московский эпизод «Чевенгура» Н. П. Хрящева отмечает наличие «тайнописного слоя» в романе, основным назначением которого является защита произведения от государственной цензуры [Хрящева 2022]. По мнению исследователя, Платонов заключает различные этапы личной биографии одновременно в образах Симона Сербинова и Саша Дванова. Данным приемом Платонов обнажает эволюцию собственного миропонимания, включая отношение к социально-политической ситуации того времени. При этом, расщепляя реальное «Я» на два художественных субпрототипа, Платонов маскирует автобиографические цепочки между автором и персонажем, тем самым формально понижая уровень риска столкновения с цензурой.

Другим основанием рассмотрения рассказа Платонова может служить методология контекстуального анализа, поэтики и композиции военной прозы писателя, предлагаемая известным платоноведом². Редуцируя план выражения, писатель параллельно укрупняет идейное содержание. Таким образом реализуется уникальная творческая стратегия художника, которая позволяет кодифицировать сверхсложные философские концепции в

доступный, интуитивно понятный рядовому читателю сюжет. Простые образы генетически восходят к умозрительным категориям онтологического значения. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем фрагмент повести «Ямская слобода»:

«– Ты поезди-ка, дружок, один по степи да посмотри на высоких гладких местах: нет ли на земле завязи или скрепы какой, – вроде пуповины у тебя на животе; найдешь, тогда мне скажешь!»

Сначала Астахов из страха ездил верхом по степи и искал земного пупка. Он даже удивлялся, почему раньше его не заметил. Но потом ездить перестал, а спал в дальней лощине целыми днями» [Платонов. Ямская Слобода].

Платонов применяет народный, в некоторой степени комичный фразеологизм «пуп земли» в качестве сюжетного ядра фрагмента. Ироническое высказывание воспринимается персонажами вполне буквально. Для них и метонимическая метафора – ориентир жизненного поиска.

Читатель воспринимает подобные фрагменты одновременно на двух уровнях. Первая реакция, ощущение комического, обуславливается чудачеватым заблуждением героев, не знакомых со столь известной метонимической моделью. Вдумчивый читатель параллельно увидит, что нарочито юмористический фрагмент приглашает к совершенно серьезному размышлению о мироздании. Эрудиция также может помочь читателю сопоставить этот микросюжет с древнегреческим мифом о поиске центра Земли и основании города Дельфы.

Из приведенных выше иллюстраций становится ясно, что платоновская метонимия – это далеко не один лишь формальный прием, но механизм реализации творческого замысла. Как следствие, метонимия в произведениях Платонова реализуется как на лексическом уровне, так и на концептуальном. Платоновская метонимия – перенос в порой обыденные вещи необъятных пластов мироздания. Подобный феномен в поэтике советского писателя Н. В. Корниенко назвала «принципом метонимических цепочек», прямо и косвенно связанных с нарушением онтологической тождественности мира самому себе в эпоху революций, войн, торжества науки и рационализма» [Корниенко 2003].

Классическая схема реализации метонимии: «несобственный термин может быть навязан предмету либо может быть подан как частная концепция этого предмета» [Якобсон]. Авторское словообразование такого рода становится алгоритмом глупо-

¹ В этой связи уместна цитата из статьи М. А. Султановой, Н. С. Жамашевой «Метафора у Платонова тесно связана с «платонизмами», и зачастую метафора уже не воспринимается как метафора, а производит впечатление особой платоновской манеры речи. Где она является постоянным и неотъемлемым элементом повествования...» [Султанова, Жамашева].

² Принципы рассмотрения произведений Платонова о войне на основе контекстуального анализа, поэтики, композиции разрабатывает Н. П. Хрящева (см. например: [Хрящева 2024]).

кого философского анализа Платонова, к которому он также приглашает читателя³.

Метонимия, на наш взгляд, становится одним из первостепенных инструментов Платонова-художника, благодаря которому в рассказах военных лет были в точности воспроизведены дух русского народа и суть войны как особой онтологической реальности.

Военная проза Андрея Платонова значительно больше, чем просто хроника трагических событий. Писатель осознает войну в системе своих мировоззренческих координат и со свойственной только ему пронизательностью исследует суть и пути преодоления этой бытийной катастрофы.

Допустимо предположить, что Платонов воспринимал войну не как абсолютное зло, но как особое состояние мира, в ходе которого сталкиваются две силы и закладывается фундамент будущего. Вспомним, как капитан Артемов в рассказе «Офицер и солдат» не соглашается с газетным тезисом «война есть исступление». При этом в голове у военного поразительная мысль:

«... война, как и мир, одухотворяется счастьем и в ней есть радость, и он сам испытывал радость войны, счастье уничтожения зла, и еще испытает их, и ради того он живет на войне и другие люди живут» [Платонов. Офицер и Солдат].

Несмотря на такой диалектический взгляд на войну, Платонов, конечно же, не выступает ее апологетом. Для него очевидно, что война – это смертельный вакуум, не допускающий возможности жить и мыслить о будущем.

Платонов описывает давление войны на жизненные силы в своих записных книжках:

«Особое состояние – живешь, а нельзя, не под силу, как будто прешь против горы, оседающей на тебя» [Платонов 2000].

Особое развитие внутри военной проблематики получает важнейший для Андрея Платонова образ ребенка. По мнению Л. В. Червяковой, данный образ несет в себе сложную темпоральную метафоричность.

С одной стороны, дитя отражает все стадии развития человечества, о чем писатель говорит, например, в заметке «Клуб школа»:

«Ребенок и есть отпечаток всего прошлого. Только он миллионы веков проходит в дни и короткие годы» [Платонов. Клуб школа].

С другой стороны, ребенок, разумеется, связан с будущим. В нем продолжается жизнь мужчины и женщины, ребенку предстоит прокладывать дорогу для всего человечества.

Наконец, через ребенка автор исследует бессмертие человеческой души и вечность мира. Маленькому человеку подвластно восприятие окружающего как целого, взаимосвязанного и перерождающегося друг в друге. Детское мышление не допускает конечности бытия: всему умершему

должно переродиться и продолжиться. Такая витальность и темпоральная неограниченность образа ребенка вступают в противоречие с сжимающимся и истребляющим все живое пространством войны. В связи с этим особое значение имеет следующая фронтовая запись Платонова:

И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито – не одни тела. Великая картина жизни и [душ] погибших душ и возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне – там убита возможность прогресса [Платонов 2000].

В момент, когда наполненное смертью пространство вокруг писателя сжимается до предела, в параллельной плоскости развертывается жизнь, пусть и не случившаяся. Человеку невозможно находиться в сфере всеобщего умирания без перспективы найти выход из нее. Потому сознанием создается мир, обратный реальному, что, по сути, является творчеством. Человек-творец, развивая пространство своего внутреннего убежища, не только укрывается в нем сам: он пытается обесмертить души погибших и ищет пути для спасения еще живых.

Именно такая мысль, на наш взгляд, заложена Платоновым в основу детских образов в рассказах «По небу полуночи» и «Девушка Роза»⁴. Платонов с безусловной точностью переносит войну в художественную плоскость. Ему удается до тончайших деталей передать и суть смертоносного вражеского режима, и ход расчеловечивания людей в условиях военного времени. В этот же смысловой ряд автором помещаются дети. Ребенок не может выстоять физически перед натиском обстоятельств, однако его душа бессмертна. Под внешним давлением дитя уходит вглубь себя к спасительному внутреннему свету – именно поэтому детские образы у Платонова излучают инаковость и отчужденность. На пике своего напряжения душа покидает мир, оставаясь несломленной. При этом ее свет озаряет путь к спасению и перерождению человечества.

Рассказ «По небу полуночи» был опубликован в 1939 году. Уже на начальном этапе становления фашистской идеологии в Германии писатель видел в этой идее гибельный тупик для всего человеческого. В фронтовых записях Андрей Платонов отмечает, что фашизм есть режим, идея и цель которого – перманентная война и истребление:

«Вечная война» как выход в другое историческое состояние (фашизм)»

«Война может стать постоянным явлением: к[а]к род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого “свободного” избытка пр[о]изводительных сил и “опустошения душ”» [Платонов 2000].

Фашизм в рассказе Платонова представлен не

³ Для понимания сути платоновской метонимии важны также работы С. Нонака [2019] и Б. Дооге [2007].

⁴ Анализ детских образов был выполнен с опорой на работу Т. Л. Рыбальченко.

только со стороны милитаризма. Автор акцентирует внимание на глубоких социальных и психологических аспектах, которые рождаются в условиях тоталитарного строя.

Платонов описывает фашизм как форму экзистенциального кризиса общества. Сторонники режима изображаются автором не людьми, а неодушевленными функциями. Начальник штаба немецкой военной части описывается как *«технический исполнитель чужой воли, простой канцелярист для чтения получаемых бумаг»* [Платонов. По небу полуночи]. Служащая военной столовой Клара Шлегель, «захваченная фашизмом в тринадцать лет от роду», настолько убеждена в идеях режима, что для нее они оказываются выше потенциально личного счастья. Она разрывает отношения с молодым человеком, проявившим симпатию к другим народам.

Один из солдат гитлеровской армии, штурман боевого самолета Фридрих Кениг, изображен Платоновым как опустошенный человек. Он плох в своей профессии, механически верит в бессмысленные директивы, спускаемые сверху, – он готов умереть и убивать за них.

«Он думал со страхом и грустью, что во многих других людях существует такой же инстинктивный, радостный идиотизм, как у Фридриха Кенига. Зуммер вспомнил, что при прощании с генералом специального авиационного соединения, напуганного летчиков, у Кенига стояли слезы в глазах, слезы радостной преданности и полной готовности обязательно умереть за этого генерала и за кого попало из начальства, которые все вместе составляли для штурмана отчизну» [Платонов. По небу полуночи].

Подробно парадигму обезличенных персонажей у Платонова анализирует Н. П. Хрящева [2022]. По ее мнению, в фашизме Платонов увидел почву для укоренения «механических» людей. Человек, окутанный ореолом иллюзий, превращается в несамостоятельную единицу. Он встраивается в систему, подобно шестеренке, и без содрогания совершит любое деяние, если это потребуется для работы механизма.

Уточняет репродукцию режима в рассказе также упоминание автором институциональных рычагов подавления человеческой свободы. Так, автор дает комментарий тайной полиции: *«в тайной полиции тоже был беспорядок и там руки не дошли до него или схватили кого-нибудь другого вместо него: им же все равно, была бы лишь деятельность»* [Платонов. По небу полуночи]. Не обходит стороной автор и концлагерь. Он считает факт заточения людей доказательством сопротивления репрессивной машине и видит в этом надежду на скорое всеобщее освобождение.

Приводя различные формы расчеловечивания и угнетения человеческой личности, Платонов собирает сложную метонимическую конструкцию: каждая приведенная деталь зеркально отражает механизм огромной машины по производству смерти.

В центр этого механизма Платонов помещает бесполезную деталь, способную разрушить все

устройство. Чистая жизнелюбивая душа – пилот немецкого истребителя Эрих Зуммер. Несмотря на то, что в рассказе назван совсем не детский возраст Зуммера – 28 лет – его все же можно отнести к разряду платоновских «детей-ангелов». Важно сказать, что для Андрея Платонова, «детство» – нефизиологическая категория. Во взрослом также может проснуться детское, что даст ему возможность увидеть в разбитой мозаике подлинную картину мира. Такое свойство платоновской поэтики Л. В. Карасев назвал «принципом особого, изначального взгляда».

Эрих Зуммер, являясь солдатом немецкой армии, противится принципам фашизма. Путь принятия режима Зуммер видит в смертном ореоле. *«И я хочу жить, потому что я умираю и потому что меня убивают»* [Платонов. По небу полуночи].

Зуммеру предстоит пройти точку невозврата: либо исполнить приказ командования – направить самолет против другого народа, не причинившего ему никакого зла, либо послушаться приказа и даже ценой собственной жизни спасти свою душу.

Сцена полета Зуммера происходит в границах особого хронотопа – ночного неба. В пространственном аспекте это ничем не ограниченный, не принадлежащий никому, непроглядный простор. Здесь человек может как сбиться с пути, так и пробиться к свету. В действенно-временном плане – это боевой вылет, т. е. фаза непосредственной войны. Как мы отметили выше, для Платонова свойственно диалектическое отношение к войне. Это, конечно, и хаос, и смерть, но это и сопротивление добра злу. В неопределенном пространстве ночного неба у Зуммера появляется возможность окончательно определить свою позицию. Не соглашаясь уничтожать мирный поезд, он разворачивает свой истребитель против отряда немецких самолетов, отвергает идеологию фашизма. Он предается мечтам о горнем мире: *«Нет, мне пора быть ангелом, человеком надоело, ничего не выходит»* [Платонов. По небу полуночи].

Избрав для себя путь отречения от фашизма, Зуммер выходит в другое пространство, освещенное солнцем. На землю он ступает уже обновленным. Встреча Зуммера с одиноким мальчиком знаменует обретение героем собственной души.

Платонов изображает встретившегося Зуммеру ребенка оторванным от всего земного. Душа мальчика – абсолют чистоты, он не восприимчив к происходящему вокруг. Это отражено в его портрете: *«Большие глаза ребенка были широко открыты, как утренний рассвет, но они глядели пусто, точно в них было безоблачно, равнодушное небо. Мальчик уставился глазами на чужого человека, а сам не видел или не понимал летчика: во взоре ребенка не было ни страха, ни удивления, ни вопроса»* [Платонов. По небу полуночи].

И вновь мы наблюдаем сложную метонимическую конструкцию: мальчик, в глазах которого видится небо, отождествляется с человечеством, свободным от зла. Портрет ребенка контрастирует с чертами бывшего сослуживца Зуммера, штурмана истребителя Фридриха Кенига. Кениг видится Зуммеру «ребенком с выколотыми глазами». Такое

сопоставление позволяет увидеть окончательное освобождение героя от установок фашизма. Немецкий «ослепленный фашизмом» штурман пытался направить Зуммера на бесчеловечное уничтожение невинных людей. Теперь место штурмана занимает ребенок-ангел, прокладывающий путь для спасенной души Зуммера.

Переходя к анализу детского образа в рассказе «Девушка Роза», отметим, что в этом произведении ребенок-ангел является не только ориентиром нравственного выбора, но и стержнем народной стойкости. В главную героиню рассказа, юную Розу, Платонов вложил духовные свойства всех советских людей. Проявляется это в частотном использовании моделей по типу «русская Роза» / «русская девчонка», а также в сравнении Розы со «всею советской властью».

Роза оказывается в немецком плену на территории оккупированного Советского Союза. В экспозиции Платонов дает развернутую картину заточения: голод, пытки, расстрелы – любые меры для того, чтобы сломить человеческий дух. Описывая детали тюрьмы, автор представляет один из вариантов выбора человека. Надписи на камерных стенах: «Здесь сидел Злов» / «Не плачь, моя милая мама, Не плачь, не рыдай, не грусти. Одна ты пробудешь недолго На этом ужасном пути...» [Платонов. Девушка Роза] – выдают заключенных, смирившихся со своей судьбой. Из множества таких предсмертных отметин выбивается надпись Розы: «Мне хочется остаться жить» [Там же]. С этой надписи начинается образ бессмертной всеильной души. Роза чудом выжила во время расстрела и не подчинилась воле немцев в ходе тяжелых пыток. Тем самым одна русская девушка перечеркнула все содержимые фашистской идеи.

Цветочные образы у Платонова сплетаются с образами людей. Девушка Роза в этой связи является многогранной метафорико-метонимической моделью. Роза-цветок – символ жизни, любви и совершенной красоты. Витальность и красота цветка определяют жизненную силу человека. Вместе с тем образ девушки-цветка – это также образ целого народа.

Непокорную Розу немцы решают сломать, лишив рассудка ударом по голове. Однако физическое изменение и даже смерть не означает утрату жизни духовной. В этом главная ошибка машины порабощения. После «процедуры» Роза становится окончательно непроницаемой для происходящего. Отметим, что рассказ существует в нескольких вариантах. В наиболее известном сейчас изложении Розу последней пытке подвергает один из немецких тюремщиков «Скорый Ганс». В другом же варианте на просьбу искалечить девушку с легкостью отзывается русский пособник «Скорый Ивашка». Этот вариант усложняет концептуальную структуру рассказа: детская душа ставится в оппозицию не только тем, кто сдался, но и тем, кто подстроился под фашизм. Также через образ Ивашки Платонов дает нам понять, что жизненная сила или же, наоборот, отсутствие души – не черта отдельного народа, будь то русского или немецкого, но лишь

личный выбор каждого человека.

Лишенная рассудка Роза больше не кажется фашистам угрозой. Ее отправляют свободно бродить по окрестностям в назидание местным. Однако результат оказывается обратным: русские люди отнеслись к Розе с лаской, найдя в ней опору для жизни:

«В городе явно баловали и любили Розу оставшиеся люди, как героическую истину, привлекающую внимание к себе все обездоленные, павшие надеждой сердца» [Платонов. Девушка Роза].

Для завершения мученического цикла Розе необходимо высвободиться из своего искалеченного тела. Физическая травма мешает чистоте сознания Розы и обретению ею умиротворения. Этого добивались немцы: не дать русской девушке свободно жить либо переродиться после смерти. Остаток дней Роза инстинктивно ищет воскрешения: спрашивает встречных о себе самой и просит отвести ее обратно. По верному замечанию И. А. Спиридоновой, Роза содержит в себе множество метафорических значений. Одно из них: мотив «памяти-цветка», мотив поиска и обретения прошлого:

«Цветок, у которого сломан цвет, хранит “дух” жизни стеблем и листвою. В душе и теле Розы живет божественное знание себя прежней, закрытое теперь ее угасшему сознанию. Мотиву забвения противопоставит мотив воспоминания, мотиву потери – мотив поиска и обретения. Центральный мотив произведения – мотив памяти, он определяет сюжет героини и сюжет повествователя. Лишенная возможности естественного роста, природного возрождения, девушка Роза ищет и находит чудесный исход в “святом детстве”» [Платонов. Девушка Роза].

Никто из местных жителей не способен понять Розу и отвести, куда ей необходимо. Только маленький мальчик, находясь на близком для Розы уровне видения мира, берется проводить ее. В метафизической оптике гибель Розы от мины представляется ступенью к новой жизни. Роза исполнила земную миссию – принесла надежду людям – и теперь ее душа может вознестись. Недаром Платонов задействует в этом эпизоде оксюморон: «свет гибели». Как отметил В. М. Акимов [Платонов 1986], свет в военной прозе писателя глубоко метафоричен и связан с человеческим духом. Вспышка от взрыва в «Девушке Розе», как и свет в глазах мальчика в рассказе «По небу полуночи», – символ нравственной избыточности. Душа, завершая земной цикл становления, озаряет и заряжает своей нравственной силой других, продолжающих земной путь.

Повторно отметим, что Андрей Платонов, исследуя войну в ориентирах собственной философии, воспринимает ее как явление дуалистическое. Война – не торжество зла, но процесс сопротивления злу. Платонов описывает множество концептуально важных для понимания войны элементов: смерть, жестокость, бездушие, механическое подчинение приказам и идеям. Существовая в метонимической связке, данные элементы отра-

жают целостное пространство войны. При этом автор помещает в военное пространство концептуально инородный образ ребенка, наделенный такими чертами, как витальность, прозорливость, красота, человечность. Данные образы являются сложной метонимией, которая помогает автору

концептуализировать войну как объект его философского осмысления. Писатель создает сложную и многогранную картину трагедии, в которой представлены не только разрушение человеческого мира, но и невероятная сила народного духа.

Литература

Дооге, Б. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова: Опыт лингвопоэтического исследования языка романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва» и повести «Котлован» / Б. Дооге. – Gent : Universiteit Gent, 2007.

Корниенко, Н. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе / Н. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Михеев, М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки / М. Ю. Михеев. – М. : Издательство МГУ, 2003. – 406 с.

Михеев, М. Ю. О поэтике Платонова и предпочтении метонимий метафорам / М. Ю. Михеев // *Philologica*. – 2012. – Т. 9, № 21/23. – С. 205–217.

Нонака, С. Сокровенные тропы: поэтика стиля Андрея Платонова / С. Нонака. – Белград : Логос, 2019 (Се-войно : Графичар). – 179 с.

Платонов, А. Офицер и Солдат / А. Платонов. – URL: https://royallib.com/read/platonov_andrey/ofitser_i_soldat.html#0 (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов ; публ. М. А. Платоновой ; составление, подготовка текста, предисл., примечания Н. В. Корниенко. – М. : Наследие, 2000. – 424 с.

Платонов, А. Клуб школа / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/publ/klub-shkola/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. 20-ая книжка, 1942 год / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. По небу полуночи / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/novels/po-nebu-polunochi/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Девушка Роза / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/novels/devushka-roza/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Одухотворенные люди: Рассказы о войне / А. Платонов ; сост. и вступ. ст. В. М. Акимова ; иллюстрации М. Ф. Петрова. – М. : Правда, 1986. – 430 с.

Платонов, А. Ямская Слобода / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (дата обращения: 05.12.2024). – Текст : электронный.

Рыбальченко, Т. Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа : учебно-методическое пособие / Т. Л. Рыбальченко. – Томск : Издательство Томского университета, 2012. – 130 с.

Садовников, С. А. Художественные функции метафор-определений и подмены понятия в произведениях А. П. Платонова / С. А. Садовников // *Ярославский педагогический вестник*. – 2014. – № 1.

Спиридонова, И. А. Метафора и метонимия в решении темы детства у Платонова: (На материале военных рассказов) / И. А. Спиридонова // *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. Кн. 3 / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Е. И. Колесникова ; предисловие Е. И. Колесниковой. – СПб. : Наука, 2004. – С. 407–427.

Спиридонова, И. А. Природа «сокровенного» в творчестве А. Платонова / И. А. Спиридонова // *Проблемы исторической поэтики*. – 2005. – № 7. – С. 513–524.

Султанова, М. А. Особенности метафоричности языка Андрея Платонова / М. А. Султанова, Н. С. Жамашева. – URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=3607> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Хрящева, Н. П. Война и будущее человечества: разные редакции рассказа А. Платонова «Железная старуха» / Н. П. Хрящева // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2024. – Т. 16, вып. 2. – С. 137–145.

Хрящева, Н. П. Философия существования и «механические» люди в военных рассказах А. Платонова / Н. П. Хрящева // *Филологический класс*. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 100–111.

Якобсон, Р. О художественном реализме / Р. Якобсон. – URL: https://hp2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/test_Biblioteka.htm (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

References

Dooge, B. (2007). *Tvorcheskoe preobrazovanie yazyka i avtorskaya kontseptualizatsiya mira u A. P. Platonova: Opyt lingvo-poeticheskogo issledovaniya yazyka romanov «Chevengur» i «Shastlivaya Moskva» i povesti «Kotlovan»* [Creative Transformation of Language and the Author's Conceptualization of the World in A. P. Platonov: The Experience of Linguistic and Poetic Research of the Language of the Novels "Chevengur" and "Happy Moscow" and the Story "The Pit"]. Gent, Universiteit Gent.

Khriashcheva, N. P. (2024). Voina i budushchee chelovechestva: raznye redaktsii rasskaza A. Platonova «Zheleznaya starukha» [War and the Future of Humanity: Different Editions of A. Platonov's Story "The Iron Old Woman"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 16. Issue 2, pp. 137–145.

Khriashcheva, N. P. (2022). Filosofiya sushchestvovaniya i «mekhanicheskie» lyudi v voennykh rasskazakh A. Platonova [Philosophy of Existence and "Mechanical" People in the War Stories of A. Platonov]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 27. No. 2, pp. 100–111.

Kornienko, N. (2003). «Skazano russkim yazykom...» Andrei Platonov i Mikhail Sholokhov: Vstrechi v russkoi literature [“It is Said in Russian...” Andrei Platonov and Mikhail Sholokhov: Meetings in Russian Literature]. Moscow, IMLI RAN.

Mikheev, M. Yu. (2003). *V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki* [Into Platonov's World through His Language. Assumptions, Facts, Interpretations, Guesses]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 406 p.

Mikheev, M. Yu. (2012). O poetike Platonova i predpochtenii metonimii metaforam [On Platonov's Poetics and the Preference of Metonymies for Metaphors]. In *Philologica*. Vol. 9. No. 21/23, pp. 205–217.

Nonaka, S. (2019). *Sokrovennye tropy: poetika stilya Andrey Platonova* [Innermost Tropes: The Poetics of Andrei Platonov's Style]. Belgrad, Logos, 2019 (Sevoino, Grafichar). 179 p.

Platonov, A. (1986). *Odukhotvorennye lyudi: Rassказы o voine* [Spirited People: Stories about the War]. Moscow, Pravda. 430 p.

Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow, Nasledie. 424 p.

Platonov, A. *20-aya knizhka, 1942 god* [20th Book, 1942]. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Devushka Roza* [Girl Rose]. URL: <http://platonov-ap.ru/novels/devushka-roza/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Klub shkola* [Club School]. URL: <http://platonov-ap.ru/publ/klub-shkola/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Ofitser i Soldat* [Officer and Soldier]. URL: https://royallib.com/read/platonov_andrey/ofitser_i_soldat.html#0 (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Po nebu polunochi* [Across the Midnight Sky]. URL: <http://platonov-ap.ru/novels/po-nebu-polunochi/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Yamskaya Sloboda* [Yamskaya Sloboda]. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (mode of access: 05.10.2024).

Rybalchenko, T. L. (2012). *Obraznyi mir khudozhestvennogo proizvedeniya i aspekty ego analiza* [The Figurative World of a Work of Art and Aspects of Its Analysis]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 130 p.

Sadovnikov, S. A. (2014). Khudozhestvennye funktsii metafor-opredelenii i podmeny ponyatiya v proizvedeniyakh A. P. Platonova [Artistic Functions of Metaphor Definitions and Substitution of Concepts in the Works of A. P. Platonov]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 1.

Spiridonova, I. A. (2004). Metafora i metonimiya v reshenii temy detstva u Platonova: (Na materiale voennykh rasskazov) [Metaphor and Metonymy in Solving the Theme of Platonov's Childhood: (Based on the Material of Military Stories)]. In Kolesnikova, E. I. (Ed.). *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy*. Book 3. Saint Petersburg, Nauka, pp. 407–427.

Spiridonova, I. A. (2005). Priroda «sokrovennogo» v tvorchestve A. Platonova [The Nature of the “Hidden” in the Work of A. Platonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 7, pp. 513–524.

Sultanova, M. A., Zhamasheva, N. S. Osobennosti metaforichnosti yazyka Andrey Platonova [Features of the Metaphorical Language of Andrei Platonov]. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=3607> (mode of access: 05.10.2024).

Yakobson, R. *O khudozhestvennom realizme* [On Artistic Realism]. URL: https://hp2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/test_Biblioteka.htm (mode of access: 05.10.2024).

Данные об авторе

Долгов Антон Александрович – ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах, специалист по учебно-методической работе, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: toni-dolgov@mail.ru.

Author's information

Dolgov Anton Alexandrovich – Assistant of Department of Russian Language and Methods of Teaching It in Primary Classes, Educational and Methodological Work Specialist, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).